

ЦИФРОВАЯ СОЦИОЛОГИЯ

ЦИФРОВАЯ СОЦИОЛОГИЯ КАК ОТРАСЛЬ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ (КРИТИЧЕСКИЙ ОБЗОР)¹

Анна Васильевна Мальцева (a.maltseva@spbu.ru)

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

Цитирование: Мальцева А.В. (2026) Цифровая социология как отрасль социологического знания (критический обзор). *Журнал социологии и социальной антропологии*, 29(3): 24–56. <https://doi.org/10.31119/jssa.2026.29.3.2> EDN: FERKZJ

Аннотация. Исследуется развитие цифровой социологии как отрасли социологического знания и научной дисциплины на пересечении технологий и социологии, изучающей социальные изменения, происходящие под влиянием цифровизации, с помощью цифровых методов и данных. В статье показаны основные этапы развития отрасли: 1) предыстория (1990–2009) как период развития методов и накопления кейсов, итогом которого стал термин «Цифровая социология» (англ. «Digital Sociology»); 2) зарождение дисциплины (2009–2015), когда цифровая социология получила международное признание и вопрос о ее существовании преобразился в вопрос о дальнейших направлениях развития отрасли; 3) этап теоретизации (2015–2018) как переход к аналитическому, методологическому и критическому переосмыслению отрасли; 4) этап институционализации дисциплины (2018–2025), когда происходит синтез выработанных теоретических подходов, получают признание методические разработки, дисциплина интегрируется в программы профессиональной подготовки социологов, развиваются междисциплинарные исследования, отрасль получает глобальное географическое, национальное и научное распространение; 5) этап разработки парадигмы цифровой социологии, который развивается с 2025 г. и включает теоретизацию, стандартизацию обращения с данными и этическую консолидацию дисциплины, выход цифровой социологии за рамки описания технологий к вопросам социальных и политических последствий цифровизации. Исследуя предметную область и методологические разногласия отрасли, автор фиксирует риски современного этапа развития цифровой социологии — это дисбаланс между высокой скоростью развития цифровой эмпирики и замедленной социологической рефлексией, в то время как усиление инженерного вмешательства в социальные процессы, базирую-

¹ Статья подготовлена в продолжение темы пленарного доклада «Цифровая социология: от новых типов данных к расширению эвристического потенциала социологии», представленного автором на Всероссийской научной конференции XIX Ковалевские чтения «Социология новой современности: проблемы, теория, методы» 13 ноября 2025 года.

щегося на глобальном сборе данных, требует не запаздывающей, а опережающей исследовательской социологической оценки. В итоге автор говорит о необходимости приоритета социологического над технологическим в развитии отрасли, который предотвратит редуцирование цифровой социологии к технологиям сбора и технического анализа данных и направит ее по пути решения общественных проблем.

Ключевые слова: цифровая социология, цифровые технологии, гипотезопорождающее исследование, анализ данных, большие данные, цифровые методы, рунет

Введение

Цифровая социология (digital sociology) является сегодня важнейшей составляющей социологической науки, отраслью социологии, научной дисциплиной, генезис которой является следствием экспансивного внедрения цифровизации в жизнь общества. За чрезвычайно краткий период цифровая социология охватила диапазон от количественного анализа больших данных до качественно новых подходов к анализу общества. Развитие отрасли достигло такого уровня, когда можно говорить о систематических методологических и методических достижениях и начале формирования разных школ цифровой социологии, определяющих разнонаправленные вероятные тренды развития дисциплины. Постоянное расширение пространства актуальных тематик, потенциал продвижения исследований в новые сферы реальности, а также внутренние противоречия дисциплины являются двигателем интенсивного развития цифровой социологии.

Проблемы доступности респондентов для «бумажных» опросов (Мальцева 2017; Оберемко 2015; Рогозин 2015) цифровая социология пыталась решить проведением опросов онлайн и анализом доступных цифровых данных, что, однако, не стало панацеей от информационных искажений (Василькова 2019) и привело социологов к разочарованию в увлечении различными техниками скачивания цифровых данных и осознанию того, что наращивание объема данных без должного методологического обоснования не обеспечивает прироста знания, а только усиливает этические риски как для науки, так и для общества. Таким путем социология пришла к необходимости взвешенной оценки цифровых технологий как измерительного инструмента, необходимости теоретизации и институционализации цифровых методов и данных, что стало основой внутренней логики цифровой социологии, определяющей разные направления ее развития.

Цель обзорной статьи — анализ и систематизация достижений цифровой социологии, критический анализ разных взглядов на ее пред-

назначение с 2009 года и определение вероятных направлений развития отрасли.

Материалы — данные о публикациях были получены из открытых библиометрических баз данных: Crossref (Crossref 2026) и OpenAlex (Priem, Piwowar, Orr 2022) за период с 1 января 2009 по 30 апреля 2026 г.¹ Корпус публикаций собран по поисковому запросу «digital sociology». После удаления записей без года публикации, дубликатов по DOI и исключения типов документов, не относящихся к оригинальным исследовательским публикациям (editorial, letter, erratum, other), итоговый корпус составил 1 156 126 записей. Для построения тематической структуры использованы предметные рубрики (subject-поля) и концептуальные теги (concepts-поля). Обработка терминов включала приведение к нижнему регистру; удаление стоп-слов — общеупотребительных лексем, не несущих тематической нагрузки; нормализацию синонимичных и вариантных форм с объединением дефисных и раздельных написаний и унификацией терминологических вариантов. Многословные термины сохранялись как единые смысловые единицы. Стемминг не применялся с целью сохранения семантической целостности составных терминов.

Ограничения: динамическое обновление метаданных в Crossref и OpenAlex может обусловить вариативность при повторной выгрузке. Поисковый запрос «digital sociology» исключил часть релевантных междисциплинарных работ со смежной терминологией. Временной лаг индексации и специфика издательских рубрик ограничивают абсолютную полноту картины.

Метод — критический анализ текстов, отражающих этапы развития отрасли.

Полученные данные представлены в статье по тематическим направлениям, обнаруженным пробелам и внутренним противоречиям и ограничениям, влияющим на развитие дисциплины.

Автор придерживается хронологии описания событий. Однако нужно иметь в виду, что переход цифровой социологии к каждому последующему этапу не отвергает методических решений начальных этапов развития, которые в своем первоначальном или усовершенствованном виде применяются в современной исследовательской практике.

Раскрытые в статье наиболее важные идеи, представляющие особую ценность для дисциплины, могут вдохновить читателя на собственные исследования.

¹ Все процедуры экспорта данных из Crossref и OpenAlex выполнены с соблюдением их этических требований (rate limits, указание email, API-ключ, лицензия CC0).

Майнинг данных, гипотезопорождающее исследование и цифровой поворот

Предыстория развития дисциплины относится к 1990–2009 гг. и представляет собой фрагментарные исследования, в которых выделяются три важных для современности тренда — это Data Mining, гипотезопорождающие исследования и прогнозы последствий цифровой экспансии для человека и общества.

Итак, интерес к цифровым данным стал закономерным шагом в развитии эмпирической социологии в условиях цифровизации общества. Первоначально, с начала 90-х, эти исследования были объединены в рамках киберсоциологии, изучающей киберпространства (Barth 1997; Cherny 1999; Donath 1998; Jones 1998; Kollock 1999; Rheingold 1993), затем социологии интернета о влиянии WWW на общество (Castells 1996, 2001; DiMaggio 2001; van Dijk 2005; Turkle 1995; Wellman 2002, 2003), социологии онлайн-сообществ, изучающей форумы, чаты, MUD'ы¹ (Baym 2000; Boellstorff 2008; Boyd 2008; Hine 2011; Kendall 2002; Kozinets 2010; Preece 2000), потом появилась социология социальных медиа (Baym 2004; Beer 2008, 2009; Boyd 2006; Boyd, Ellison 2007), социология киберкультуры, в центре внимания которой цифровое искусство, хакеры, тролли (англ. digital art, hackers, trolls) (Lovink 2008). В этот период не было сформировано единого поля цифровой социологии, однако накопилась исследовательская база — методы, концепции, кейсы для будущего развития дисциплины. В методическом плане социологов привлекла возможность извлечения (англ. Mining) и применения в социологических исследованиях больших объемов данных (англ. Big Data). Новая исследовательская парадигма Data Mining (глубокий анализ данных) ставила своей целью визуализировать данные в виде, четко отражающем динамику, а также строить модели для принятия управленческих решений. В то же время появились аналитические платформы, позволяющие реализовывать возможности «Data Mining» в рамках процесса «Извлечение знаний из баз данных» (англ. «Knowledge Discovery in Databases»), преимуществом которых была адаптивность к быстрым изменениям в данных и возможность наблюдать за процессами буквально в режиме реального времени.

¹ Multi-User Dungeon. Это многопользовательская, обычно текстовая виртуальная среда реального времени, где участники перемещаются по описываемому текстом миру, вводят команды, взаимодействуют друг с другом, с объектами и с персонажами. Исторически MUD'ы возникли как смесь ролевой игры, интерактивной литературы (interactive fiction) и чата; они стали предшественниками более поздних виртуальных миров и MMORPG.

Этот действенный количественный инструмент исследования социальных, экономических и других процессов, описываемых большим числом характеристик, немедленно стал применяться в прикладных исследованиях в кризисных производственных ситуациях, требующих быстрой обработки больших объемов данных. Опыт такого исследования на рынке труда позднее был описан А.В. Мальцевой и соавт. (Мальцева 2016).

Извлечение знаний из баз данных стало применяться для гипотезопорождающих исследований в стиле разведочного анализа. Такие исследования позволяют структурировать неизвестное и превращать вопросы в гипотезы. В отличие от гипотезопрверяющих, гипотезопорождающие исследования планируются в условиях острого дефицита времени и знаний для определения стратегии реагирования на быстро меняющуюся социальную и экономическую реальность. При сочетании онтологической и гносеологической неопределенности с дефицитом времени, когда необходима быстрая социальная диагностика, исследователь может прибегнуть к возможностям Data Mining и гипотезопорождающего исследования. Методологический фундамент гипотезопорождающих исследований выстраивался лингвистическим поворотом — философским движением XX в., которое стало рассматривать язык ключевым инструментом понимания мира. Общественный и научный интерес к такого рода исследованиям был вызван социальным контекстом конца 60-х гг.: в это время получил развитие постструктурализм, отказавшийся от рациональной логики и универсальных закономерностей структурализма в пользу иррациональности и множественности интерпретаций. Социологи, объясняя человеческую деятельность, стали принимать во внимание собственные интерпретации людьми своего поведения. Сегодня, благодаря цифровой социологии, стали разрабатываться методы отслеживания этих интерпретаций в цифровых данных.

В концептуальных макрообобщениях социологи до периода развития цифровой социологии пришли к идее цифровой экспансии от частично пересекающихся виртуальных сообществ (Wellman 2005) и социальных сетей (Rheingold 2000) к единому сетевому обществу (Castells 1996), а затем к новой онлайн-идентичности и постчеловеку (Hayles 1999).

Итогом предыстории в 2009 г. стал термин «Цифровая социология» (англ. «Digital Sociology»), который появился в названии работы Джона-тана Р. Уинна (Wynn 2009) и сегодня стал названием научной дисциплины, отрасли социологического знания, а также учебной дисциплины на пересечении технологий и социологии.

Определение понятия и уточнение методологии цифровой социологии

Определение цифровой социологии складывалось поэтапно и отражало как расширение предметного поля дисциплины, так и усложнение ее методологии.

Одним из базовых остается определение Д. Лаптон, где цифровая социология понимается как область, позволяющая исследовать, анализировать и понимать развитие, использование и социальные последствия цифровых технологий, а также их интеграцию в социальные миры, институты, самость и воплощенность (Lupton 2015). Высказывая оптимистически-критическое отношение к цифровизации, М. Майкл и Д. Лаптон придерживаются мнения, что исследовательская рефлексия способна предотвратить большинство потенциальных проблем (Michael, Lupton 2015).

Существенный эпистемологический сдвиг предлагает Н. Маррес. Цифровая социология интерпретируется не как частный случай анализа данных, а как переосмысление самого социального исследования в условиях, когда новые способы познания общества возникают на стыке понятий — компьютеры, медиа, социальные исследования, общественная жизнь (Marres 2017).

Глобализирующий поворот представлен в работах Ю. Чжао и М. Ванг, рассматривающих дисциплину как поле множественных национальных и региональных траекторий развития. Здесь уделяется особое внимание влиянию цифровых технологий на поведение человека и общества, рассматриваются механизмы взаимодействия цифровых технологий и социальной среды и формирование «информационных коконов», способствующих поляризации социума (Zhao, Wang 2023: 1).

Новые методологические акценты особенно заметны в работах 2024–2025 гг.

Мэтью Ханчард показывает, что цифровые технологии важно исследовать через их участие в формировании, стабилизации и воспроизводстве повседневных практик (Hanchard 2024). Объединяя концепции цифровой географии, экспериментальной психологии, интернет-исследований, практико-ориентированная цифровая социология фокусируется на том, как новые практики формируются и стабилизируются, а технологии влияют на конструирование социальной жизни. Взгляд М. Ханчарда объясняет, почему теория практики является подходящей основой для изучения социальных последствий цифровых медиа, изучения того, как формируются,

закрепляются новые практики и как новые технологии интегрируются в повседневную жизнь. Ключевое значение определения М. Ханчарда состоит в том, что вводится понятие «методологический синтез» — объединение теории и практики социологии с цифровой социологией для понимания того, как цифровые технологии становятся частью повседневной жизни. Практико-ориентированная цифровая социология изучает материальность технологических практик, отвечая на такие вопросы, как структурирование поведения алгоритмами; распределение агентности между людьми и технологиями; формирование, стабилизация и трансформация социальных сетей (трассирование сетей) и проч. (Hanchard 2024).

В том же 2024 г. трансдисциплинарное определение обосновывает Береника Дычек (Dyszek 2024), говоря о том, что цифровая социология требует интеграции социальных наук и инженерно-технических дисциплин. Обоснование Б. Дычек необходимости синтеза социальных наук и инженерии является ключевым для трансдисциплинарной парадигмы цифровой социологии. Однако слишком техноцентрично звучит ее главный аргумент о неспособности традиционной социологии анализировать современные социальные явления без инженерных цифровых инструментов.

Контекстуализированный, незападный вариант определения предлагает Р. Упадхьяй, трактуя цифровую социологию как подотрасль социологии, изучающую влияние цифровых медиа и технологий на повседневную жизнь, социальные отношения и социальные изменения в специфических условиях развивающихся обществ. Примером такого влияния является Индийский парадокс, суть которого состоит в том, что в Индии, как и в других развивающихся странах, цифровизация происходит быстрее, чем традиционная модернизация, создавая уникальные социальные явления (Upadhyay 2024). В этой связи исследователей интересуют такие методы, как контекстуализированный анализ и участие технологий в преодолении географической изоляции нации; вовлеченность в технологии разных классов, каст, регионов; участие технологий в воспроизводстве традиционных неравенств и связанные с этим этические вопросы взаимодействия человека с технологиями. По определению Р. Упадхьяй (Upadhyay 2024) цифровая социология — это подотрасль социологии, изучающая влияние цифровых медиа на повседневную жизнь. В поле зрения цифровой социологии изучение цифровых средств технологического прогресса, цифрового поведения населения (использование социальных сетей, цифровых финансовых активов, цифрового обучения, онлайн-общения и проч.) и влияния всех этих факторов на общество

и социальные изменения. Определение Р. Упадхья показывает, что цифровая социология должна быть контекстуализирована применительно к обществам развивающихся стран, где цифровизация происходит иначе, чем на Западе, что в целом является предпосылкой преодоления западного геополитического центризма в развитии отрасли.

В совокупности эти подходы показывают, что в 2026 г. цифровая социология — это дисциплина, которая одновременно аналитична, критична, интегративна, глобальна и локальна, практико-ориентирована, трансдисциплинарна и рефлексивна.

Этапы развития цифровой социологии

Этап зарождения дисциплины начинается в 2009 г. с официальной артикуляции термина «Digital Sociology» в одноименной статье Джонатана Р. Уинна, длится по 2015 г. и имеет следующую хронологию развития.

В 2010 г. Р. Нил посвящает свою работу развитию концепции цифровой социологии как научной дисциплины (Neal 2010). Д. Лаптон в 2013 г. приводит первое полное изложение концепции (Lupton 2013). В том же 2013 г. увидел свет редакторский сборник К. Ортон-Джонсон и Н. Прайора с системным описанием дисциплины (Orton-Johnson 2013).

В 2015 г. в Нью-Йорке состоялась Первая международная конференция по цифровой социологии¹, на которой была представлена концепция цифровой жизни (англ. Life is Digital) и одно из ее следствий — цифровая идентичность (англ. Cyberself), идея существования которой стала реконструкцией идеи онлайн-идентичности Шерри Теркл (Turkle 1995).

Завершается период монографией Д. Лаптон, ключевыми идеями которой можно назвать выделение четырех компонентов цифровой социологии — данные (англ. data), методы (англ. methods), оптика (англ. lens) и прикладной ракурс (англ. lens for practice) (Lupton 2015).

Первоначальные взгляды в дальнейшем эволюционировали под влиянием как технологических, так и социально-этических обновлений, о чем пойдет речь далее, однако цифровая социология как научная дисциплина в этот период получила международное признание и вопрос о ее существовании преобразился в вопрос о дальнейших направлениях развития отрасли.

Этап теоретизации и критики 2015–2018 гг. включает ряд важных событий.

¹ The First Digital Sociology Conference — Mini-Conference on Digital Sociology (2015) New York, February 26 – March 1, Eastern Sociological Society; organizers: Jessie Daniels, Karen Gregory, Tressie McMillan Cottom. New York.

В 2015 г. Н. Маррес и К. Герлиц вводят концепт «публичная цифровая социология» и обозначают недопустимость редукции цифровой социологии к анализу данных (англ. data analytics) (Marres 2015). В 2017 г. Н. Маррес предложила радикальную переоценку дисциплины — утверждение интерфейсных методов исследования (interface methods) в качестве ее центральной концептуальной рамки (Marres 2017).

В этот же период усиливается институционализация направления. Заметной площадкой становится исследовательская группа Британской социологической ассоциации «Digital Sociology Study Group»¹, сооснованная Марком Карриганом в 2012 г. — первая формальная институция в социологии, которая к 2020 г. включала уже более 500 членов.

Теоретическим итогом этапа становится переход от первоначальной номинации и описания цифровой социологии к ее аналитическому, методологическому и критическому переосмыслению.

Этап институционализации цифровой социологии начинается с 2018 г. и характеризуется закреплением дисциплины в специализированных журналах, образовательных программах, методологических руководствах и крупных коллективных изданиях. В России важным событием стало появление в 2018 г. электронного научного журнала «Цифровая социология».

Среди наиболее цитируемых российских работ, опубликованных в этот период, следует назвать статьи О.В. Крыштановской «Бесконтактная социология: новые формы исследований в цифровую эпоху» (Крыштановская 2018); В.Ф. Ницевича «Цифровая социология: теоретико-методологические истоки и основания» (Ницевич 2018); Д.Е. Добринской «Цифровое общество в социологической перспективе» (Добринская 2019).

В мире в это время получают признание инструменты, адаптированные цифровой социологией — это программное обеспечение для качественного анализа данных с помощью компьютера (NVivo, Atlas.ti, MAXQDA); машинное обучение (англ. machine learning) на языках Python, R для анализа текстов (англ. text analysis); технологии обработки больших данных (Hadoop, Spark, NoSQL databases); автоматизированные методы анализа эмоций, анализа социальных сетей (англ. sentiment analysis, network analysis). Согласно определению Нила Селвина, выделяется 4 ключевых фрагмента анализа общества в контексте цифровой социологии: сети (англ. networks), данные (англ. data), алгоритмы (англ. algorithms) и платформы (англ. platforms) (Selwyn 2019). Появляются справочники и тематические обзоры (Rohlinger 2020), что свидетельствует о закрепле-

¹ <https://britsoc.co.uk/groups/study-groups/digital-sociology-study-group/>

нии цифровой социологии в академическом мейнстриме с актуализированным набором средств работы с данными.

В России начинается подготовка по направлению цифровой социологии в вузах — это курс «Цифровая социология» в МГУ им. М.В. Ломоносова; магистратура «Цифровая социология» в Санкт-Петербургском университете. Подготовка ведется и в других вузах. Формируются междисциплинарные связи цифровой социологии с информатикой в рамках исследования больших данных (англ. *big data*), машинного обучения (англ. *machine learning*), алгоритмов (англ. *algorithms*); а также связи с психологией в изучении поведения в интернете, идентичности и проч.; с экономикой в разделе временной, внештатной или дистанционной работы; с политологией в изучении цифрового управления и электронной демократии (англ. *digital governance*, *e-democracy*); с философией в части онтологии, этики технологий; с антропологией в направлении антропологии интернета.

Итогом периода можно назвать следующие показатели институционализации цифровой социологии:

- сформирована профессиональная исследовательская ассоциация, включающая активно публикующихся авторов и сетевые исследовательские группы, которой проводятся ежегодные семинары и конференции, имеющие широкую географию;
- издаются периодические специализированные научные журналы по цифровой социологии, учебная и справочная литература, популярность и география которых растут;
- можно говорить о достижении определенной теоретической зрелости, проявляющейся в синтезе сформированных подходов;
- достигнуты признанные инструментальные результаты;
- происходит интенсивная интеграция дисциплины в программы профессиональной подготовки высшего образования;
- цифровая социология развивает междисциплинарные исследования и получает признание в смежных дисциплинах;
- цифровая социология получает глобальное распространение в географическом, национальном и научном смысле.

Однако несмотря на все достижения этапа институционализации, современное развитие цифровой социологии сопровождается критическими проблемами.

Прежде всего речь идет о дисбалансе между высокой скоростью технологического развития ее инструментального аппарата и замедленным теоретическим осмыслением социальных последствий цифровизации. А.А. Ахтырский фиксирует рост и специфику цифровых методов в совре-

менной социологии (Ахтырский 2022). Это противоречие представляет собой разрыв между «сущим» цифровой эмпирики и «должным» социологической рефлексии. Так, Е.В. Андрианова фиксирует пространство напряжения между компьютерно-научной и собственно социологической логикой исследования (Андрианова 2024), а Д.Е. Добринская подчеркивает, что цифровая социология должна не только использовать новые данные и методы, но и критически осмысливать социальные перспективы (Добринская 2021). Таким образом, проблема состоит не в недостатке инструментов, а в том, что скорость методического расширения опережает развитие понятийного аппарата, способного интерпретировать результаты. Поэтому сохраняет актуальность высказанная чуть ранее идея необходимости заново обращаться к фундаментальным социологическим вопросам (Marres 2017). В противном случае тренд на технологическое опережение приведет к редуцированию социологии к технике обработки данных. Именно против техноцентризма выступает Ноортье Маррес, трактуя цифровую социологию как переосмысление самого социального исследования, а не как разновидность анализа данных. В российской традиции сходную позицию занимает Д.Е. Добринская, для которой цифровая социология важна прежде всего как инструмент анализа цифрового общества, а не новые вариации вычислительных процедур (Добринская 2021).

Другая проблема современного этапа связана с политическими и экономическими аспектами цифровизации. Это вопросы цифрового неравенства, власти, контроля и свободы, влияющие на жизнь всех слоев общества и каждого отдельного человека. Развитие платформ, алгоритмического управления и масштабного извлечения данных (колониализм данных/рента данных) требует не запаздывающей реактивной, а опережающей проактивной исследовательской и нормативной позиции. В этом отношении показательна рецензия Сорая Хонгладарома на книгу Шошаны Зубофф, рассматривающей цифровую инфраструктуру как источник беспрецедентной власти вне должного контроля (Hongladarom 2019), а также исследования Д.Е. Добринской, подчеркивающие необходимость анализа социальных последствий платформизации и алгоритмизации (Добринская 2021). В этих работах справедливо подчеркивается, что цифровая социология должна выходить за рамки описания технологий и ставить вопросы социальных и политических последствий цифровизации.

Заметное отставание пока еще наблюдается в выработке этических оценок процессов и явлений, основанных на цифровизации. Разработка алгоритмов и технологий цифрового влияния на социальные процессы и системы происходит быстрее, чем в обществе формируются устойчивые нормы цифровой этики. Поэтому современная цифровая социология все

отчетливее нуждается в этической оценке цифрового поворота, которая включала бы оценку рисков платформизации, датафикации, колониализма данных, надзорного капитализма, автоматизации социального управления и прочих форм инженерного вмешательства в социальные процессы.

Эти критические проблемы не могут быть решены в рамках отдельных теорий и требуют разработки новой парадигмы, определяющей философию дальнейшего развития цифровизации общества.

Этап разработки парадигмы цифровой социологии развивается с 2025 г. и включает углубленную теоретизацию, стандартизацию обращения с данными и этическую консолидацию дисциплины для осмысления как социальных выгод, так и рисков цифровизации и минимизации негативных последствий. Задачами современного этапа, предназначенного для разрешения названных выше проблем и дисбалансов, должны стать следующие:

- расширение исследовательского сообщества, в том числе за счет более активного включения стран Глобального Юга;
- усиление образовательной инфраструктуры и переход к подготовке специалистов, владеющих не только цифровыми методами, но и социальной теорией;
- расширение прикладного использования результатов цифровой социологии для решения реальных общественных проблем;
- разработка системного этического кодекса цифровых исследований, применимого к анализу данных, платформ, алгоритмов и социотехнических комплексов.

На этом этапе цифровая социология должна двигаться в направлении от технологического энтузиазма к рефлексии и социальной ответственности использования цифровых возможностей.

Предметная область цифровой социологии

Предметная область цифровой социологии реконструируется на основе облака тегов по корпусу публикаций. Порог включения термина в облако тегов определялся как минимальная частота, при которой термин встречается не менее чем в 0,01% записей.

По полученным данным в центре лексического поля публикаций на каждом языке фиксируются 1–3 ключевых тега, в эпицентре которых тег «цифровая социология»:

- на русском языке — «обучение», «применение», «эффективность»;
- на английском языке — «маркетинг», «экономика», «бизнес»;
- на арабском языке — «отношения», «обучение», «школа»;
- на языке африкаанс — «навыки», «приложения», «изготовление»;
- на голландском языке — «школа», «фреймворк», «студенты»;

на индонезийском языке — «*деятельность*», «*бизнес*», «*обучение*»;
на испанском языке — «*компетенции*», «*преподавание*», «*вопросы*»;
на итальянском языке — «*приложение*», «*фантазии*», «*бизнес*»;
на каталанском языке — «*игра*», «*видео*», «*электроника*»;
на немецком языке — «*система*», «*бизнес*», «*эра*»;
на португальском языке — «*игра*», «*инклюзия*», «*культура*»;
на румынском языке — «*эволюция*», «*использование*», «*опыт*»;
на тагальском языке — «*увлекательный*»;
на турецком языке — «*использование*»;
на французском языке — «*менеджмент*», «*проект*», «*наука*».

Названные теги позволяют говорить об особом внимании в исследовательской повестке цифровой социологии к некоторым сферам науки и практики — это прежде всего образование, управление и бизнес.

В то же время в предметной области цифровой социологии обнаруживаются некоторые противоречия, которые можно рассматривать как дополнительные возможности и направления исследований.

Анализ частотности показывает определенное преобладание тега «социология» (англ. *sociology*) над тегом «технология» (англ. *technology*). Опираясь на этот показатель с необходимой осторожностью, можно предположить, что исследуемое поле тяготеет к самоопределению в рамках социологического знания. Однако этот вывод носит вероятностный характер и ставит встречный вопрос: какой должна быть пропорция аналитической рефлексии и технологий?

Также следует говорить о противоречии, которое можно обозначить как «платформы без власти». Тег «платформы» (англ. *platforms*) получает второе больше упоминаний, чем тег «власть» (англ. *power*)/ «властные отношения» (англ. *power relations*). Парадокс состоит в том, что авторы пишут о платформах чаще, чем анализируют их влияние. Также часто встречается тег «platform studies», связанный с описанием и анализом платформ, но без анализа власти в платформах. Очевиден «наивный платформенный анализ», то есть некритичное описание платформы без учета ее влияния на субъектность пользователей. Между тем современная литература о платформенном и надзорном капитализме показывает, что платформы следует рассматривать не только как технические среды взаимодействия, но и как механизмы распределения видимости, контроля, включения и исключения. В этом смысле распределение тегов указывает на необходимость усиления критической ориентации цифровой социологии.

Еще одна заметная тенденция в корпусе текстов выглядит как указание на проблему неравенства без ее решения. Тег «неравенство» (англ. *inequality*) и его словоформы встречаются значительно чаще, чем теги

«справедливость» (*justice*), «честность» (англ. *fairness*) и «равноправие» (англ. *equity*). Этот лексический дисбаланс может указывать на дефицит работ в контексте оценки влияния платформ, вариантов оценки этичности алгоритмов.

«Белые пятна» в предметной области цифровой социологии

Некоторые критически важные теги отсутствуют либо появляются крайне редко. Перечислим эти «белые пятна» цифровой социологии или то, о чем дисциплина «забыла».

Наиболее заметным «белым пятном» выглядит экологическое измерение цифровизации. В корпусе почти отсутствуют такие теги, как «окружающая среда» (англ. *environment*), «климат» (англ. *climate*), «устойчивое развитие» (англ. *sustainability*). При этом материальная инфраструктура цифрового мира имеет выраженный экологический след. По прогнозу IEA, в 2026–2030 гг. спрос на электроэнергию в США будет расти в среднем почти на 2 % в год. Примерно половина общего прироста годового потребления к 2030 г. относительно уровня 2025 г. будет приходиться на центры обработки данных (IEA 2026: 9, 18). С другой стороны, Международный союз электросвязи (ITU) и Институт ООН по обучению и исследованиям (UNITAR) сообщают, что объем электронных отходов растет в пять раз быстрее, чем объем их документально подтвержденного сбора и переработки (ITU, UNITAR 2024). На этом фоне слабая представленность экологической проблематики в цифровой социологии указывает на необходимость более явного соединения цифровой социологии с исследованиями материальности цифровой инфраструктуры.

Недостаточно представленной выглядит также проблематика «сопротивление» (англ. *resistance*), «альтернатива» (англ. *alternative*), «активизм» (англ. *activism*). Это может означать, что цифровая социология чаще описывает механизмы контроля и асимметрии власти, чем коллективные формы критики, институциональные альтернативы и проектирование иных цифровых инфраструктур. Следовательно, одним из перспективных направлений развития становятся исследования альтернативных, децентрализованных и некоммерческих платформ, а также практик организованного цифрового сопротивления.

Также пробел обнаруживается в тегах «эмоция» (англ. *emotion*), «аффект» (англ. *affect*), «тональность» (англ. *sentiment*), что показывает, насколько мало исследований цифровой социологии о том, какие эмоции переживают люди, когда за ними наблюдают, манипулируют ими, когда общение ограничено онлайн, то есть недостаточно информации об эмоциональной жизни в цифровых пространствах (цифровое выгорание,

переживание одиночества, уязвимость, аффективная вовлеченность). Для восполнения этого пробела дисциплине необходим более выраженный поворот к человеку-ориентированной цифровой социологии.

В целом специфика названных «белых пятен» цифровой социологии говорит о том, что каждый из имеющихся пробелов является вызовом и одновременно возможностью для исследователя начать изучать цифровой след в новых малоизученных средах. Следовательно, обнаруженные пробелы следует рассматривать не как слабость дисциплины, а как точки ее дальнейшего роста.

Механизмы расширения эвристического потенциала цифровой социологии

Один из ключевых механизмов расширения эвристического потенциала цифровой социологии связан с масштабированием данных — переходом от выборок и опросов к нереактивным данным и популяционным массивам цифровых следов. В современной цифровой социологии именно цифровые следы позволяют выходить за пределы классических опросных выборок и работать с более широкими массивами данных. Однако такой переход не гарантирует автоматического повышения достоверности исследования. Цифровые данные не являются нейтральным зеркалом социальной реальности, поскольку они платформенно опосредованы, алгоритмически отсортированы и нуждаются в социологической интерпретации. Поэтому масштабирование может рассматриваться как эвристически продуктивный механизм лишь при условии критической оценки репрезентативности данных, условий их возникновения и ограничений платформенной среды (Мальцева 2025).

Второй механизм состоит в совершенствовании различения кажущегося и реально существующего поведения в цифровой среде. Исследование сетевых практик, мнений и взаимодействий требует постоянного повышения чувствительности к проблеме аутентичности — цифровая активность может быть сгенерирована не только людьми, но и ботами, фейковыми аккаунтами, координированными сетями распространения контента или иными искусственными агентами (Васькова 2021). Поэтому проверка подлинности цифрового поведения должна рассматриваться как не факультативный технический шаг, а как обязательная часть методологии цифровой социологии. Это означает необходимость интерпретативного отношения к данным на всех этапах работы с ними — от сбора до анализа и выводов, поскольку именно на этом уровне преодолевается разрыв между видимостью цифровой активности и ее действительным социологическим смыслом.

Третий механизм связан с выявлением латентного влияния, координации и неочевидных паттернов сетевого взаимодействия. Исследователь должен учитывать, что алгоритм демонстрирует не полную картину социальных связей, а лишь ту ее часть, которая стала видимой в пределах конкретной цифровой платформы. Поэтому сетевой анализ требует учета специфики платформы, а именно формата контента, режимов видимости, срока жизни сообщений, особенностей аудитории, логики вовлечения и правил модерации. Поэтому подчеркивается необходимость соединения цифровых инструментов анализа с социологической интерпретацией данных (Duczek 2024).

Наконец, четвертый механизм можно определить как переход от темпоральной точности к диагностике тенденций. Цифровая среда предоставляет исследователю почти поминутную детализацию событий, что создает соблазн редуцировать исследование к непрерывному мониторингу изменений в реальном времени. Однако избыточная детализация процесса может скрывать от исследователя видение общих направлений и тенденций (Duczek 2024). В этой связи необходима контекстуализация на макроуровне, обеспечивающая репрезентативность не только поминутно фиксируемых данных, но и извлеченного из них знания. Только такой подход позволяет перейти от фиксации динамики к целостному объяснению социальных процессов. В этом аспекте эвристический потенциал цифровой социологии раскрывается не в накоплении максимального числа временных точек, а в способности соотнести высокочастотные цифровые данные с более широким социальным контекстом и извлечь из них знание не о событиях, а о тенденциях.

В целом следует говорить о том, что расширение эвристического потенциала цифровой социологии достигается не простым наращиванием объема данных или скорости их обработки, а развитием критической методологии интерпретации, которая включает проверку репрезентативности, валидности и аутентичности данных и проч. Иначе говоря, цифровая социология становится эвристически сильной не за счет самого сбора цифровых следов, а благодаря умению превращать цифровые данные в социологическое знание.

Современная проблематика цифровой социологии, новые объекты исследования и исследовательская тематика 2025–2026 гг.

С 2025 г. повестка цифровой социологии заметно смещается в сторону социальности, опосредованной искусственным интеллектом (англ. AI-mediated sociality), психоэмоциональных последствий платформенного

потребления, социального VR, платформизированного труда, датафицированной интимности (англ. *datafied intimacy*), системной дезинформации и цифрового насилия.

Одним из быстро растущих направлений становится анализ психоэмоциональных последствий цифрового потребления. В российской литературе эта линия представлена исследованием психоэмоциональных проблем, таких как компульсивный просмотр цифрового контента, психосоматические расстройства, вызванные интернетом (Дьякович 2025). В международной литературе тот же сдвиг подтверждает фиксация связи скроллинга с тревогой, депрессией, стрессом и снижением устойчивости (Sharpe 2026), а также связи киберхондрии (англ. *cyberchondria*) и других эмоциональных проблем с использованием интернета (Jungmann 2025). На этом основании можно говорить о формировании цифровой социологии здоровья как самостоятельного и быстро растущего направления.

Второе крупное направление связано с размыванием границ виртуального и физического миров. Исследования социальной виртуальной реальности (англ. *social virtual reality*) показывают, что виртуальные среды все чаще переживаются как пространства с собственной социальной реальностью, чувством присутствия и непрерывностью опыта (Erofeeva 2026). В работе Флориана Шмидбауэра и Маттиаса Вёльфеля социальная виртуальная реальность анализируется как среда, создающая присутствие и связанность (Schmidbauer 2025). В этой логике темы виртуальной реальности, дополненной реальности, реальной виртуальности и цифрового воплощения становятся не периферийными, а центральными объектами цифровой социологии.

Третья линия — это поворот в отношениях машины и человека (англ. *human-machine relations*), в рамках которого ИИ и чат-боты анализируются не просто как инструменты, а как участники социального взаимодействия. Этот поворот особенно хорошо выражен в статье Майка Зайко «Социология без людей: искусственный интеллект как угроза человечеству и реакция социологии», где ставится под вопрос традиционная антропоцентричность социологии (Zajko 2026), а также в работе Селесты Кампос-Кастильо и соавт. «Перспективы того, как социология может продвинуть теорию взаимодействия человека и чат-бота и разработать чат-ботов для общественного блага», где предлагается использовать социологические теории для анализа взаимодействия человека с чат-ботом и чат-боты для социального развития (Campos-Castillo 2025). Поэтому новым объектом цифровой социологии становится не просто «использование ИИ», а социальные отношения между людьми и ИИ-системами, включая вопросы

агентности, доверия, эмоциональной зависимости, делегирования решений и нормативных границ машинного участия в социальной жизни.

Еще одна важная проблема в новейшей литературе обозначена как противостояние технически правильного и социально действительного (англ. *the proper vs the actual*). В обзоре Е.В. Андриановой и соавт. «Современная цифровая социология в поисках моделирования смысла: должное и сущее» эта оппозиция используется для обозначения разрыва между тем, как цифровые системы должны работать по технической логике, и тем, какой социальный смысл они фактически производят в реальной среде использования (Андрианова 2025). Примером является алгоритм рекомендаций. Техническим эффектом действия этого алгоритма является удержание внимания, но социальным эффектом становятся поляризация, аффективная перегрузка, информационные пузыри и дезинформация. Именно поэтому модели интерпретации смыслов (англ. *meaning-making*) становятся необходимым мостом между техническим (англ. *computational functioning*) и социальным (англ. *lived social consequences*).

Вновь возникающие и воспроизводимые проблемы приводят цифровую социологию к формированию новых тематик и исследованию обозначенных ранее, но не утративших современного звучания, среди которых следует назвать ключевые тематики начала 2026 г.:

1) вирусные явления, мемы и экономика создателя (англ. *creator economy*) (Lee 2026), новая парасоциальность, где подчеркивается концентрация платформенной власти и новые формы эксплуатации (Boyd 2026);

2) микроагрессия, цифровое насилие и онлайн-харассмент; сексуальное насилие, совершаемое с помощью технологий, рассматривается как структурная, а не эпизодическая форма цифрового насилия, генеративный ИИ усиливает цифровое гендерное насилие (Quinlan 2026);

3) формирование мнений и убеждений с помощью ИИ в реальном времени (англ. *AI-mediated persuasion*), где ключевой можно назвать работу Даниэля Т. Шрёдера и соавт., посвященную анализу имитации социального консенсуса и искажения публичной сферы «Как вредоносные стаи ИИ могут угрожать демократии» (Schroeder 2026);

4) по теме возникновения и трансформации цифровых сообществ появилась работа Тамэра Байрака «Гибридная культура поколения Z: цифровая идентичность и создание сообществ с помощью TikTok, Discord и Twitch» (Bayrak 2026), которая раскрывает, как новые платформы участвуют в построении идентичности и общности;

5) чрезвычайно актуальная тема — распространение дезинформации и когнитивной манипуляции; среди наиболее заметных можно назвать

следующие работы: обзор С. Пак и С. Нань «Генеративный ИИ и дезинформация: общий обзор роли генеративного ИИ в генерировании, обнаружении, смягчении и воздействии дезинформации», который посвящен роли генеративного ИИ в производстве синтетических медиа (англ. *synthetic media*) и дезинформации (Park 2026); работа Джузеппе Ла Сельва и соавт. «Подготовительные мероприятия по борьбе с дезинформацией о климате» (La Selva et al. 2026), которая поднимает вопрос превентивных мероприятий в борьбе с платформенной дезинформацией; и, наконец, работа Моники Уитти и соавт. «Повышение эффективности обнаружения ложных сообщений и дезинформации» (Whitty 2025), которая содержит не только теоретические подходы, но и методы детекции;

6) быстрорастущее направление телемедицины и цифрового здоровья в 2026 г. усилено работами, связывающими цифровой поиск медицинской информации с тревожностью Дэниеля Миза и соавт. «Распространенность киберхондрии и связанные с ней факторы» (Miezah 2026) и Кси Ло и соавт. «Беспокойство о здоровье и поиск информации в эпоху цифровых технологий» (Luo 2026);

7) продолжающаяся тема онлайн-знакомств, получившая новое звучание в теме знакомств с помощью искусственного интеллекта (англ. *AI dating*) и товаризации/приватизации интимности, где следует назвать работу 2022 г., идеи которой активно используются в исследованиях 2026 г. — это базовая книга по теме приватности и интимности онлайн Мари Бергстрём «Новые законы любви: Онлайн-знакомства и приватизация интимной жизни» (Bergström 2022); а также работа Лусианы Р. Родригес, раскрывающая практики *AI dating* «Новая эра онлайн-знакомств? Анализ применения искусственного интеллекта в приложениях для знакомств» (Rodrigues 2026);

8) гиг-экономика, платформизация труда и сопротивление работников, в которой работы 2026 г. развивают тему сопротивления, поднятую в 2025 г. Практики Дасгуптой в работе «Социальные отношения и сопротивление работников в платформенной экономике» (Dasgupta 2025), следует назвать работу Анке Штрювер «Платформенный домашний труд, выходящий за рамки технологий: “Безразличие...”» (Strüver 2026), в которой описан платформенный домашний труд как инфраструктурный и социальный порядок, а не только как приложение, а также работу Липин Лю и соавт. «Платформа gig оценивает условия труда и представления работников о достойном труде» (Liu 2026), в которой Л. Лю и соавт. связывают алгоритмический контроль (англ. *algorithmic control*), пол, часы работы и достойный труд (англ. *decent work*); и снова в 2026 г. Ананьи Бхардвадж поднимает вопросы трудовой миграции в глобальной экономике (Bhardwaj 2026);

9) всегда актуальная тема фан-культуры, платформизации творчества и цифрового труда фанатов в работе Шань Юя «Механизм трансформации рабочей силы и отчуждения фанатской культуры в платформенном обществе» (Yu 2026) раскрывается трансформация культуры участия в цифровую рабочую силу; а работа Паскаля Штегманна «Формирование поведения вовлеченных фанатов с помощью функций цифровой платформы» (Stegmann 2026) связывает платформенные возможности (англ. *affordances*) и социальный капитал фанатских сообществ;

10) наконец, тема человеческого в работе Сэма Иллингворта и соавт. «ИИ как социальный агент и социология, выходящая за рамки человеческого» (Illingworth et al. 2026), о том, как агенты ИИ воспроизводят социальную динамику человека за считанные дни, относится к публикациям о вопросе антропоцентричности социологии.

Ключевые дебаты и разногласия в цифровой социологии

Динамика развития научной отрасли сопряжена с дебатами и разногласиями внутри дисциплины. Между авторами существуют существенные разногласия, понимание которых позволяет проследить динамику идей.

Прежде всего следует говорить о сложившемся противостоянии *big data* и критической герменевтики. Проблема состоит в разных взглядах на решение вопроса о том, как следует исследовать цифровое общество — через количественный анализ больших данных или через критическую интерпретацию. Позиция Д. Лаптон состоит в интеграции *big data*, позволяющих видеть масштабы явления, и качественных методов, обеспечивающих понимание смыслов (Lupton 2015). Благодаря их комбинации мы можем получить и объем данных, и глубину интерпретации. Ноортье Маррес придерживается критической герменевтики (Marres 2017). По мнению Н. Маррес, *big data* часто наивны и позитивистичны, а большие числа просто воспроизводят платформную логику, а не логику исследователя, поэтому нужна не комбинация методов, а критическая оценка полученных *big data*. В российской литературе близкую рефлексивную позицию развивают А.В. Мальцева и М.С. Матвеев, суть которой состоит в том, что исследовательская практика должна использовать *big data*, осознавая вместе с тем закономерные ограничения, задаваемые платформенной логикой (Мальцева 2025). Тем самым вопрос стоит не в приоритете данных или смыслов, а в приоритете позитивистского или рефлексивно-интерпретативного подхода к работе с *big data*. Исследователь может придерживаться любой из существующих позиций, осознавая ограниченную правоту каждой.

Вторым источником дебатов в цифровой социологии является вопрос о том, может ли платформенный капитализм быть реформирован или он

представляет собой системную проблему цифрового общества? М. Карриган, отвечая на этот вопрос, предлагает косметически улучшать уже имеющееся, то есть критически работать с платформизмом как с данностью, как с уже сложившейся средой и реформировать его через развитие практик публичного знания и осмысления (Carrigan 2025). Для Д. Лаптон платформенная среда — это источник новых форм власти над человеком и его жизнью (Lupton 2015). Е. Андрианова и соавт., критикуя платформенный капитализм, полагают, что это системная проблема, существование которой запланировано ради извлечения прибыли и потому требуется не реформенное, а альтернативное решение (Андрианова 2025). Обобщая эту дискуссию, полагаю, что рассматривать данные позиции нужно не как взаимоисключающие, а как разноуровневые элементы единой стратегии. Компромисс мнений можно найти в построении долгосрочной стратегии, когда в ближайшей перспективе необходимы регуляторные меры, включая GDPR, а долгосрочно следует выбирать альтернативы платформенному капитализму — децентрализацию и открытые системы. Таким образом, краткосрочные меры регулирования могут сочетаться с долгосрочным поиском альтернатив платформенному капитализму.

Третье противостояние внутри цифровой социологии касается ответа на вопрос, являются ли платформы инструментами контроля или нейтральными инструментами, зависящими от практики и контекста использования. Критический ответ предлагают Н. Маррес (Marres 2017) и Б. Дычек (Dyczek 2024). Они придерживаются мнения, что платформы встроены в системы управления в самом широком смысле и являются по сути орудиями контроля над людьми, которые невозможно использовать во благо, а следовательно, необходимо избегать. Другой, более контекстуальный и практико-ориентированный ответ предлагает М. Ханчард — практико-ориентированное прочтение платформизма (англ. *practise-oriented reading platforms/technologies*) состоит в том, что повседневные технологии не полностью детерминируют поведение, но значительно упрощают решение повседневных бытовых задач, адаптируя социально-экономическую среду к потребностям человека (Hanchard 2024). В том же направлении размышляет Р. Упадхьяй. По его мнению, важно контекстуальное понимание цифровых технологий. То есть платформы — это нейтральные инструменты, результат использования которых зависит от социальных практик (Upadhyay 2024). Таким образом, следует говорить не об оценке платформизма, а о практиках использования платформ разными обществами.

Еще один нерешенный вопрос касается приоритетности этико-ориентированных или методолого-ориентированных исследований. Одни

авторы ориентированы на справедливый цифровой мир, ставя целью развития цифровой социологии *улучшение мира*. Установка на гуманистическую и нормативную рамку цифровой социологии присутствует в современных дискуссиях, где подчеркиваются риски неравенства, манипуляции, алгоритмизации и потери человеческой автономии, в частности, у Д.Е. Добринской (Добринская 2019), А.В. Мальцевой и М.С. Матвеева (Мальцева 2025). Для других авторов ближе методолого-ориентированная позиция, в которой этика является следствием хорошей методологии, а целью развития цифровой социологии является *познание мира*. В фокусе второго подхода находятся методологические вопросы: как цифровые методы меняют социальные исследования, как соотносить онлайн-методы с другими методами сбора данных, как работать с данными платформ, в частности, работы Н. Маррес и К. Герлиц (Marres 2015), Д. Лаптон (Lupton 2015). Синтез обеих позиций — это интегрированная позиция, методологически строгая и этически ориентированная, в которой методология без этики — это технократия, а этика без методологии — наивная утопия.

Наконец, заметен спор между практико-ориентированным и критико-ориентированным подходами в цифровой социологии. Первого направления придерживается М. Ханчард (Hanchard 2024), который говорит о том, что фокус цифровой социологии должен быть направлен на то, как люди действуют онлайн, как технологии интегрируются в повседневную жизнь, каковы смыслы и возможности цифровизации, в чем состоит стабилизация и нормализация цифровой среды. Сторонники второго, критико-ориентированного направления, Н. Маррес (Marres 2017), Б. Дычек (Dyczek 2024), Д. Лаптон (Lupton 2015) фокусируются на скрытых механизмах влияния, власти, контроля, дестабилизации, неравенства. Здесь, как и в других дебатах, необходим исследовательский синтез, усиливающий оба направления развития. Цифровая социология одновременно нуждается как в анализе повседневного, так и в критике влияния и дестабилизации.

Таким образом, мы можем говорить о том, что цифровая социология сегодня — это живой теоретико-методологический диалог, иногда даже спор между разными взглядами на развитие дисциплины. Это говорит о большом количестве открытых вопросов, требующих разных подходов к их решению, а в целом об интенсивном развитии и актуальности отрасли.

Особенности русскоязычного цифрового пространства

Русскоязычное интернет-пространство — это креативная среда с активной сетью блогеров и их подписчиков по разным тематикам. Рунет адаптирован к русскому языку и культурным ценностям. Это проявляется

не только в использовании русского языка, но и в специфических культурных кодах — постсоветской ностальгии, меметической культуре, особых стилях речи и сетевом юморе. Примерами являются специфические феномены русского интернета — «олбанский язык» и «падонковская» интернет-субкультура¹, суть которых состоит в намеренном искажении орфографии как формы групповой идентичности «для тех, кто понимает» и языкового сопротивления норме (Костикова 2023; Кудинова 2010). В России активны семейные и родственные сети; в цифровой коммуникации участвуют РПЦ и другие традиционные религиозные институты, что характеризует взаимодействие между традиционными общественными структурами и новыми цифровыми практиками в России.

Для России характерны некоторые особенности цифровых платформ. Это доминирование российских платформ: ВКонтакте — крупнейшая русскоязычная социальная сеть; Яндекс — преобладающая поисковая система в России и рунете; 2ГИС — уникальная российская платформа навигации и справок; а также Одноклассники, Авито, Яндекс.Маркет, Mail.ru и другие сервисы, ориентированные на русскоязычную аудиторию. Вследствие государственного регулирования интернета происходит замена глобальных платформ и мессенджеров уникальной российской экосистемой, включающей Rutube, Дзен, интегрированный в ВКонтакте VK Messenger, мессенджер Мах и проч. Важным каналом коммуникации остается SMS. Все это делает русскоязычное цифровое пространство более автономным и платформенно локализованным внутри глобального платформенного капитализма, что, впрочем, характерно для большинства стран.

Вызовом для цифровой социологии является адаптация цифровых методов к языковым особенностям русского языка. С одной стороны, речь идет о настройках распознавания кириллицы, с другой — о распознавании морфологии русского языка для NLP. Несмотря на высокий исследовательский интерес, нерешенной задачей распознавания текстов на русском языке остается автоматизация различения значимых и незначимых текстовых признаков среди синонимов и омонимов, фразеологизмов, множественных толкований, переносных смыслов, каламбуров, пародий, шуток, иронических высказываний и пр. Существующий дефицит и несовершенство методик анализа как текстовых, так и других признаков и их сочетаний пока не преодолен. Необходимо совершенствовать способы различения вариантов представления и определения конкретного смысла многозначных лексем.

¹ В настоящее время проект Udaff.com завершил свое существование.

В целом современное русскоязычное цифровое пространство можно рассматривать как особый вариант цифровой коммуникации, где глобальные технологические формы сочетаются с локальными культурными особенностями, государственным регулированием и национальной практикой сетевой коммуникации.

Некоторые перспективы для русскоязычной аудитории

Развитие Рунета создало особую экосистему, существующую наравне с англоязычной сетью Интернет. Благодаря этому явлению русскоязычные социологи получили дополнительные возможности развития, а именно — не только адаптировать зарубежные концепции, но и развивать собственные, восполняющие пробелы западного методологического и методного доминирования, релевантные уникальному российскому и постсоветскому контексту, учитывающие особенности русского языка и культуры, а также языковые и культурные особенности всех традиционных национальных групп России.

Источниками данных для концептуального развития отрасли являются сеть ВКонтакте, мессенджер Мах и Рунет как особый культурный и политический феномен; они позволяют проводить специфические исследования цифровых практик в российском контексте.

Исследовательское пространство Рунета для русскоязычной цифровой социологии может включать критический анализ геополитических измерений цифровых технологий, а именно — характера государственного управления¹, информационных войн и пропаганды, «цифрового» сопротивления и альтернативных способов использования интернета.

Кроме того, для цифровой социологии необходимо документировать уникальные формы онлайн-культуры и сообществ в России, сохранять память об интернет-культуре (мемы, субкультуры, речь), исследовать региональное разнообразие цифровых практик, участвовать в архивировании исчезающих интернет-пространств.

Ключевой задачей развития цифровой социологии в России является сбережение ее важнейших аутентичных достижений: критичности, отклоняющей технологический детерминизм; рефлексивного отношения к собственной позиции и ее ограничениям; сенситивности к особенностям русского, российского и постсоветского контекста; этики, защищающей человека как субъекта; открытости диалогу с глобальным научным сообществом и сохранения независимости. Это позволит российской циф-

¹ Особенно важен этот вопрос в контексте data-driven подхода, обозначенного в национальном проекте «Экономика данных».

ровой социологии сохранить свою специфику и значение не как периферии мировой науки, а как ее равноправного участника, партнера с собственным исследовательским пространством и методологическим влиянием.

Заключение

Цифровая социология сейчас — это дисциплина на критическом пересечении технологий и социологии, и ее дальнейшее развитие зависит от того, в каком направлении будет институционализирован цифровой поворот, какой из путей будет выбран отраслью.

Одно из направлений, которое автор данного обзора считает тупиковым для отрасли, — это риск пойти по пути техницизма, чрезмерно увлечься технической стороной вопроса. На этом пути цифровая социология может редуцироваться к бесконечному майнингу данных, в котором все усилия по разработке и обновлению методов сбора и технического анализа данных не приведут к фиксации и решению социальных проблем, в результате чего слово «социология» в названии дисциплины станет излишним.

Второе направление является предпочтительным для отрасли — это объединение возможностей критического реализма и цифровых технологий. На этом пути дисциплина будет развивать не только гипотезопрверяющие, но и гипотезопорождающие исследования, сохраняя эмпирическую ориентированность и критичность, принимая участие в поиске решений общественных проблем и сохраняя научную самостоятельность. Смысл дисциплины на этом пути состоит в получении социологического знания, способствующего решению общественных проблем.

Предпочтительным представляется второй путь, позволяющий сохранить приоритет социологической проблематики и критической рефлексии при использовании цифровых методов.

Источники

Crossref (2026) <https://www.crossref.org/>

International Energy Agency (IEA) (2026) *Electricity 2026: Analysis and Forecast to 2030*. Paris: IEA Publications: 8–9. URL: https://iea.blob.core.windows.net/assets/b73798cb-e452-42b9-9d8a-07542de7a041/Electricity_2026.pdf (дата обращения: 30.04.2026).

International Telecommunication Union (ITU), United Nations Institute for Training and Research (UNITAR) (2024) *The Global E-waste Monitor 2024*. Geneva: ITU; Bonn: UNITAR. URL: <https://ewastemonitor.info/the-global-e-waste-monitor-2024/> (дата обращения: 30.04.2026).

Литература / References

Андрианова Е.В., Давыденко В.А., Розманов А.И. (2024) Современная цифровая социология в поисках моделирования смысла: должное и сущее. Обзор статей исследовательского хэндбука по цифровой социологии в редакции Я. Скопека. Часть I. *Цифровая социология*, 7(4): 63–80.

Andrianova E.V., Davydenko V.A., Rozmanov A.I. (2024) Modern digital sociology in search of modeling meaning: due and essential. A review of the articles of the research handbook on digital sociology edited by Jan Skopek. Part I. *Digital Sociology*, 7(4): 63–80 (in Russian).

Андрианова Е.В., Давыденко В.А., Розманов А.И. (2025) Современная цифровая социология в поисках моделирования смысла: должное и сущее. Обзор статей исследовательского хэндбука по цифровой социологии в редакции Яна Скопека (Edward Elgar Publishing, 2023, 492 p.). Часть II. *Цифровая социология*, 8(1): 83–100.

Andrianova E., Davydenko V., Rozmanov A. (2025) Contemporary digital sociology in search of meaning-making models: the proper and the actual. A review of articles from the research handbook on digital sociology edited by Jan Skopek (Edward Elgar Publishing, 2023, 492 p.). Part II. *Digital Sociology*, 8(1): 83–100 (in Russian).

Ахтырский А.А. (2022) Цифровые методы в социологических исследованиях. «Телескоп»: журнал социологических и маркетинговых исследований, 3: 53–59.

Akhtyrsky A.A. (2022) Digital methods in sociological research. *Telescope: Journal of Sociological and Marketing Research*, 3: 53–59 (in Russian).

Василькова В.В., Садчиков Д.И. (2019) Фейки и боты как механизмы информационных искажений в социальных сетях. *Казанский социально-гуманитарный вестник*, 2(37): 24–30.

Vasilkova V.V., Sadchikov D.I. (2019) Fakes and bots as mechanisms of information distortion in social networks. *Kazan Social and Humanitarian Bulletin*, 2(37): 24–30 (in Russian).

Василькова В.В. (2021) Глобализация лжи или диверсификация правды: информационные искажения в социальных сетях. Фролова М.И. (ред.) *Человек в глобальном мире: риски и перспективы*. Москва: Канон-Плюс: 269–280.

Vasilkova V.V. (2021) The globalization of lies or the diversification of truth: information distortions in social networks. In: Frolova M.I. (ed.) *Man in the global world: risks and prospects*. Moscow: Canon-Plus: 269–280 (in Russian).

Добринская Д.Е. (2019) Цифровое общество в социологической перспективе. *Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология*, 25(4): 175–192.

Dobrinskaya D.E. (2019) Digital society in a sociological perspective. *Bulletin of the Moscow University. Series 18. Sociology and Political Science*, 25(4): 175–192 (in Russian).

Добринская Д.Е. (2021) Цифровая социология для изучения цифрового общества. *Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология*, 2: 250–259.

Dobrinskaya D.E. (2021) Digital sociology for the study of digital society. *Bulletin of Perm University. Philosophy. Psychology. Sociology*, 2: 250–259 (in Russian).

Дьякович М.П. (2025) Особенности цифрового поведения в области сохранения здоровья как предмет изучения цифровой социологии. *Современные технологии и научно-технический прогресс*, 12: 250–251.

Dyakovich M.P. (2025) Features of digital behavior in the field of health preservation as a subject of digital sociology. *Modern Technologies and Scientific and Technological Progress*, 12: 250–251 (in Russian).

Костикова Ю.В., Толкунова М.С. (2023) «Падонки» как феномен интернет-субкультуры России начала 2000-х. *Социально-гуманитарные знания*, 1: 11–14.

Kostikova Yu.V., Tolkunova M.S. (2023) «Padonki» as a phenomenon of the internet subculture of early Russia in the 2000s. *Social and Humanitarian Knowledge*, 1: 11–14 (in Russian).

Крыштановская О.В. (2018) Бесконтактная социология: новые формы исследований в цифровую эпоху. *Цифровая социология*, 1: 4–8.

Kryshtanovskaya O.V. (2018) Contactless sociology: new forms of research in the digital Age. *Digital Sociology*, 1: 4–8 (in Russian).

Кудинова Т.А. (2010) Язык Интернет и жаргон падонков. *Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики*, 12: 336–340.

Kudinova T.A. (2010) Internet language and Padonkov jargon. *Actual Problems of Philology and Pedagogical Linguistics*, 12: 336–340 (in Russian).

Мальцева А.В., Шилкина Н.Е., Махныткина О.В. (2016) Data mining в социологии: опыт и перспективы проведения исследования. *Социологические исследования*, 3: 35–44.

Maltseva A.V., Shilkina N.E., Makhnytkina O.V. (2016) Data mining in sociology: experience and prospects of research. *Sociological research*. 3: 35–44 (in Russian).

Мальцева А.В., Матвеев М.С. (2025) Цифровые следы: от технологической составляющей к эвристическим возможностям социологии в изучении молодежи. Мальцева А.В., Ван С. (ред.) *Цифровое общество в России и Китае*. Сборник статей XXI Российско-Китайской социологической конференции Санкт-Петербург 11–12 апреля 2025 г. Санкт-Петербург: Центр научно-информационных технологий «Астерион»: 51–56.

Maltseva A.V., Matveev M.S. (2025) Digital footprints: from the technological component to the heuristic possibilities of sociology in the study of youth. Maltseva A.V., Wang S. (eds.) *Digital Society in Russia and China*. Collection of articles of the XXI Russian-Chinese Sociological Conference St. Petersburg, April 11–12, 2025. St. Petersburg: Asterion Center for Scientific and Information Technologies: 51–56 (in Russian).

Мальцева А.В., Шилкина Н.Е., Махныткина О.В. (2017) Опросы в торгово-развлекательных центрах vs квартирные опросы. *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*, 3: 44–58.

Maltseva A.V., Shilkina N.E., Makhnytkina O.V. (2017) Surveys in shopping and entertainment centers vs apartment surveys. *Monitoring Public Opinion: Economic and Social Changes*, 3: 44–58 (in Russian).

Ницевич В.Ф. (2018) Цифровая социология: теоретико-методологические истоки и основания. *Цифровая социология*, 1: 18–28.

Nicevich V.F. (2018) Digital sociology: theoretical and methodological origins and foundations. *Digital Sociology*, 1: 18–28 (in Russian).

Оберемко О.А. (2015) О фальсификации, фабрикации и мистификации в методике. Рец. на кн.: Рогозин Д.М., Ипатова А.А. Насколько разумна наша вера в результаты «бумажных» квартирных опросов. *Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены*, 4: 227–236.

Oberemko O.A. (2015) On falsification, fabrication and mystification in techniques. Book review: Rogozin D.M., Ipatova A.A. «Naskolko razumna nasha vera v rezultaty «bumazhnykh» kvartirnykh oprosov?» *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, 4: 227–236 (in Russian).

Рогозин Д.М. (2015) По(д)делки в «бумажном» поквартирном опросе. *Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены*, 4: 3–35.

Rogozin D.M. (2015) Fabrication in paper-and-pencil door-to-door survey. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, 4: 3–35 (in Russian).

Barth T. (1997) Mark Poster: The Second Media Age. *MEDIENwissenschaft Rezensionen | Reviews*, 1: 109–111.

Baym N. (2000) *Tune in, log on Soaps, Fandom, and Online Community*. Thousand Oaks: New Media.

Baym N., Zhang Y., Lin M. (2004) Social Interactions Across Media. *New Media & Society*, 6(3): 299–318.

Bayrak T. (2026) The Hybrid Culture of Generation Z: Digital Identity and Community Construction through TikTok, Discord, and Twitch. *İçtimaiyat*, 10(1): 17–30.

Beer D. (2008) Social Network(ing) sites...Revisiting the Story So Far: A Response to Danah Boyd & Nicole Ellison. *Journal of Computer-Mediated Communication*, 13: 516–529.

Beer D. (2009) Power Through the Algorithm? Participatory Web Cultures and the Technological Unconscious. *New Media & Society*, 11: 985–1002.

Bergström M. (2022) *The New Laws of Love: Online Dating and the Privatization of Intimacy*. Medford: Polity Press.

Bhardwaj A., DellaPuppa F., Dhar D., Montagna N. (eds.) (2026) *Migrant Labour in the Gig Economy: The Intersection of Migrant Labour, Platform Capitalism, and Resistance*. London: Springer Nature Switzerland AG.

- Boellstorff T. (2008) *Coming of Age in Second Life: An Anthropologist Explores the Virtually Human (REV-Revised)*. Princeton: University Press.
- Boyd D. (2006) Friends, Friendsters, and Top 8: Writing community into being on social network sites. *First Monday*, 11(12). <https://doi.org/10.5210/fm.v11i12.1418>.
- Boyd D. (2008) *Why Youth (Heart) Social Network Sites: The Role of Networked Publics in Teenage Social Life*. Cambridge, MA: MIT Press.
- Boyd D. (2026) Social Media Is Now Parasocial Media. *Social Media+Society*. Special Issue: Anniversary Issue: 1–5.
- Boyd D., Ellison N. (2007) Social Network Sites: Definition, History, and Scholarship. *Journal of Computer-Mediated Communication*, 13(1): 210–230.
- Campos-Castillo C., Kang X., Laestadius L. (2025) Perspectives on How Sociology Can Advance Theorizing About Human-Chatbot Interaction and Developing Chatbots for Social Good. *Computers and Society*, 4.
- Carrigan M. (2025) *Platform and Agency: Becoming Who We Are*. New York: Taylor & Francis.
- Castells M. (1996) *The Rise of the Network Society*. Oxford: Blackwell.
- Castells M. (2001) *The internet galaxy: Reflections on the internet, business and society*. Oxford: Oxford University Press.
- Cherny L. (1999) *Conversation and community: Chat in a virtual world*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Dasgupta P., Carbery R., McDonnell A., Jooss S. (2025) Social relations and worker resistance in the platform economy: towards a future research agenda. *New Political Economy*, 30(3): 373–387.
- DiMaggio P., Hargittai E., Neuman W., Robinson J. (2001) Social Implications of the Internet. *Annual Review of Sociology*, 27: 307–336.
- Donath J. (1998) *Identity and Deception in the Virtual Community*. London: Routledge.
- Dyczek B. (2024) On the need for integrating social sciences and engineering – technical disciplines in studying contemporary social phenomena. New directions in digital sociology. *Media i Społeczeństwo*, 20(1/1): 240–256.
- Erofeeva M. (2026) Why Does Social Virtual Reality Feel So Real? A Phenomenological Study of Spatiality, Embodiment, and Continuity Between Digital and Physical Realities. *Human Studies*, 49: 223–245.
- Gallego M. (2017) *Noortje Marres. Digital Sociology: The Reinvention of Social Research*. Londres: Wiley.
- Hanchard M. (2024) *Towards a Practice-orientated Digital Sociology*. Singapore: Palgrave Macmillan.
- Hayles N.K. (1999) *How We Became Posthuman: Virtual Bodies in Cybernetics, Literature, and Informatics*. Chicago: University of Chicago Press.
- Hine C. (2011) *Virtual Ethnography*. London: SAGE Publications.
- Hongladarom S. (2019) *Shoshana Zuboff, The age of surveillance capitalism: the fight for a human future at the new frontier of power*. New York: Public Affairs.

Housley W., Edwards A., Beneito-Montagut R., Fitzgerald R. (2023) *The SAGE Handbook of Digital Society*. Thousand Oaks: Sage Publications.

Illingworth S., Spinner K. (2026) AI agents replicate human social dynamics in days. *Nature*, 652(8110): 828.

Jones S. (1998) *CyberSociety 2.0: Revisiting Computer-Mediated Communication and Community*. Thousand Oaks: Sage Publications.

Jungmann S.M., Dessauer E. (2025) Health-Related Internet Use and Cyberchondria in Adolescents: Population-Based Cross-Sectional Survey. *Journal of Medical Internet Research*, 27: 1–15.

Kendall L. (2002) *Hanging Out in the Virtual Pub: Identity, Masculinities, and Relationships Online*. Los Angeles: University of California Press.

Kollock P., Smith M. (eds.) (1999) *Communities in Cyberspace*. London: Routledge.

Kozinets R. (2010) *Netnography: Doing Ethnographic Research Online*. London: SAGE Publications.

La Selva G., Monacis L., van der Linden S. (2026) Prebunking interventions against climate misinformation: A systematic review on effectiveness and implementation. *Journal of Environmental Psychology*, 111: 103029. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jenvp.2026.103029>

Lee J., Umbach J. (2026) The viral turn: rethinking virality in the creator economy on TikTok. *Continuum*, 40: 1–26.

Liu L., Wang Y., Xiao T., Zhang C. (2026) Platform gig work conditions and workers' perceptions of decent work: a configurational and necessity perspective. *Humanities and Social Sciences Communications*, 13: 1–13.

Lovink G. (2008) *Zero Comments: Blogging and Critical Internet Culture*. New York, London: Routledge, Taylor & Francis Group.

Luo X., Chang J., Cheah J., Lim W., Jean L. (2026) Health anxiety and information-seeking in the digital age: a two-wave study of cyberchondria. *Internet Research*. February 25: 1–26.

Lupton D. (2013) *Introducing digital sociology*. Sydney: University of Sydney.

Lupton D. (2015) *Digital Sociology*. New York, London: Routledge, Taylor & Francis Group.

Marres N. (2017) *Digital Sociology: The reinvention of social research*. Malden: Polity Press.

Marres N., Gerlitz C. (2015) Interface Methods: Renegotiating Relations between Digital Social Research, STS and Sociology. *The Sociological Review*, 64(1): 1–32.

Michael M., Lupton D. (2015). Toward a manifesto for the «Public understanding of big data». *Public understanding of science*, 25: 104–116.

Miezah D., Adzaka R., Bani E.M.A., Obeng P. (2026) Prevalence and Associated Factors of Cyberchondria: A Scoping Review. *ScientificWorldJournal*, 1: 1–13.

- Neal R. (2010) *Expanding Sentience: Introducing Digital Sociology*. Raleigh: Lulu.com
- Orton-Johnson K., Prior N. (eds.) (2013) *Digital Sociology: Critical Perspectives*. London: Palgrave Macmillan.
- Park S., Nan X. (2026) Generative AI and misinformation: a scoping review of the role of generative AI in the generation, detection, mitigation, and impact of misinformation. *AI & Society*, 41: 1501–1515.
- Preece J. (2000) *Online communities: designing usability, supporting sociability*. New York: John Wiley.
- Priem J., Piwowar H., Orr R. (2022) OpenAlex: A fully-open index of scholarly works, authors, venues, institutions, and concepts. *26th International Conference on Science, Technology and Innovation Indicators (STI 2022) "From Global Indicators to Local Applications"*, 7–9 September, Granada, Spain.
- Quinlan A., Fogel C. (2026) Digital Violations: Technology-Facilitated Sexual Violence in Canadian Sport. *Violence Against Women*, 32(8): 2074–2094.
- Rheingold H. (1993) *The Virtual Community: Homesteading on the Electronic Frontier*. Reading: Addison-Wesley publishing company.
- Rheingold H. (2000) *The Virtual Community: Homesteading on the Electronic Frontier*. Cambridge: The MIT Press.
- Rodrigues L.R. (2026). A new era of online dating? An analysis of the application of artificial intelligence in dating apps. *AoIR Selected Papers of Internet Research*. Selected Papers of #AoIR2025: The 26th Annual Conference of the Association of Internet Researchers Niterói, Brazil 15–18 Oct. 2025. DOI: <https://doi.org/10.5210/spir.v2024i0.15301>
- Rohlinger D.A., Sobieraj S. (eds.) (2020) *The Oxford Handbook of Digital Media Sociology*. Oxford: Oxford University Press.
- Schmidbauer F., Wölfel M. (2025) Social virtual reality as learning space: Conceptualising context through spatial and sociotechnological perspectives. *Learning in Context*, 2(1-2): 1–11.
- Schroeder D.T., Cha M., Baronchelli A. et al. (2026) How malicious AI swarms can threaten democracy. *Science*, 391(6783): 354–357.
- Selwyn N. (2019) *What is digital sociology?* Cambridge: Polity Press.
- Sharpe A., Tyndall I., Poulus D., Obine E., Sharpe B. (2026) The Influence of Doomscrolling on Mental Health: A Scoping Review. *Mental Health and Digital Technologies*, 1: 1–99.
- Stegmann P., Ströbel T., O'Reilly N. (2026) Shaping fan engagement behaviour through digital platform features: the role of social capital; an experimental study. *International Journal of Sports Marketing and Sponsorship*, 27(6): 1–15.
- Strüver A., Lentz J., Bellgardt H. (2026) Platformized domestic labor beyond technology: «Uncaring by design»? *Digital Geography and Society*, 10: 1–10.
- Turkle S. (1995) *Life on the Screen: Identity in the Age of the Internet*. New York: Simon & Schuster.

Upadhyay R. (2024) Digital Sociology: An Emerging Sociological Trend in Digital Era. In: *Multidimensionality of the Concept & Function of Digital*. Jaipur: Apple Books: 20–26.

van Dijk J. (2005) *The Deepening Divide: Inequality in the Information Society*. Thousand Oaks: Sage Publications.

Wellman B. (2005) Community: From neighborhood to network. *Communications of the ACM*, 48(10): 53–55.

Wellman B., Haythornthwaite C.A. (eds.) (2002) *The Internet in Everyday Life*. Oxford: Blackwell Publishing.

Wellman B., Quan-Hase A., Boase J., Chen W., Hampton K., Diaz I., Miyata K. (2003) Social Affordances of the Internet for Networked Individualism. *Journal of Computer-Mediated Communication*, 8(3).

Whitty M., Doherty S. (2025) Enhancing mis- and disinformation detection and understanding its influence: leveraging communication accommodation theory and information manipulation theory. *Behaviour & Information Technology*, 20: 1–20.

Wynn J.R. (2009) Digital Sociology: Emergent Technologies in the Field and the Classroom. *Sociological Forum*, 24(2): 448–456.

Yu S. (2026) The Labor Transformation and Alienation Mechanism of Fan Culture in the Platform Society. *Communications in Humanities Research*, 105: 210–216.

Zajko M. (2026) A sociology without humans: Artificial intelligence as a threat to humanity, and sociology's response. *Current Sociology*, March.

Zhao Y., Wang M. (2023) Digital sociology: origin, development, and prospects from a global perspective. *The Journal of Chinese Sociology*, 10: 1–21.

DIGITAL SOCIOLOGY AS A BRANCH OF SOCIOLOGICAL KNOWLEDGE: A CRITICAL REVIEW

Anna Maltseva (a.maltseva@spbu.ru)

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia

Citation: Maltseva A. (2026) Digital sociology as a branch of sociological knowledge: A critical review. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 29(3): 24–56 (in Russian).
<https://doi.org/10.31119/jssa.2026.29.3.2> EDN: FEPKZJ

Abstract. The article examines the development of digital sociology as a branch of sociological knowledge at the intersection of technology and sociology, which studies social changes taking place under the influence of digitalization using digital methods

and data. The article shows the main stages of DS development: 1) the prehistory of the field's development (1990–2009), the period of development of methods and accumulation of cases, which resulted in the term “Digital Sociology” (DS); 2) the emergence of the discipline (2009–2015), when DS as a scientific discipline gained international recognition and the question of its existence turned into a question of further directions for the development of the field; 3) the stage of theorization (2015–2018) as a transition to an analytical, methodological and critical rethinking of the field; 4) the stage of institutionalization of the discipline (2018–2025), when the synthesis of developed theoretical approaches takes place, methodological developments are recognized, the discipline is integrated into professional training programs of higher education, interdisciplinary research is developing, the field is gaining global geographical, national and scientific dissemination; 5) the stage of development of the digital sociology paradigm, which has been developing since 2025. The author draws readers' attention to the risks of the current stage of the field's development — an imbalance between the high rate of development of digital empiricism and slow sociological reflection, while increased engineering intervention in social processes based on global data collection requires not a delayed, but a proactive research assessment by sociology.

Keywords: digital sociology, digital technologies, hypothesis-generating research, data analysis, big data, digital methods, Runet